

КУРОЧКИН Анатолий Васильевич,
Набережночелнинский институт,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия
kurochkin.tolik@bk.ru

KUROCHKIN Anatoly V.,
Naberezhnye Chelny Institute
Kazan (Volga) Federal University,
Kazan, Russia
kurochkin.tolik@bk.ru

ПРАВОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

LEGAL INSTITUTIONALIZATION OF POLITICAL PARTIES IN POST-SOVIET RUSSIA

В статье проанализированы этапы формирования партийного законодательства Российской Федерации на фоне трансформации институтов гражданского общества. Сегодня правовые нормы, регулирующие деятельность партий, претерпевают модернизацию в связи с активизацией российских политических движений и интенсивностью внесистемной оппозиции. В этой связи ретроспектива институциональных процессов, повлиявших на современную модель регламентации партийных правоотношений, наглядно демонстрирует особенности государственной политики в данной сфере и позволяет предопределить дальнейшие изменения законодательной базы. Современные процессы партийного строительства с начала 1990-х гг. и по настоящее время в определенной степени можно считать отражением правового опыта России начала XX в. Поскольку развитие правовой политики происходит по циклической модели, нынешняя корректировка законов повторяет отчасти прошлые достижения и недостатки, способствующие как регрессу, так и модернизации института партийных организаций. Поэтому автором постулируется тезис о том, что заложенная в законах концепция конфигурации и институционализации партий является результатом политического компромисса, отражающего отсутствие стабильной опоры власти, чтобы удержаться и лавировать в поляризованном обществе. Принятие действующего закона о партиях обеспечивало стабилизацию политического процесса и ставило своей целью объединение центристских и прагматических сил любых течений вне зависимости от их традиционных идеологий.

In this article, the authors investigated the stage of formation of party legislation of the Russian Federation, while changing the institutions of civil society. Today the legal norms, regulating activities of political parties, undergo modernization in connection with the intensification of Russian political movements and the intensity of non-systemic opposition. The history of institutionalization confirms the peculiarities of the state policy on regulation of political parties and affects the change in the laws. Modern processes of party development from the beginning of 1990-ies and the present are the consequence of legal experience of Russia in the early XX century. Legal policies goes through the cycle, so the changes in the current laws in Russia is a repeat of past achievements and deficiencies which caused regression and modernization of institute of political parties. Therefore, the author puts forward the thesis that the laws used in concept configuration and institutionalization of parties is the result of a political compromise, which is accompanied by a lack of stable pillars of the power to resist and to maneuver in polarized society. The adoption of the current law on political parties ensured the stabilization of the political process and has a goal to unite centrist and pragmatic movements, regardless of their traditional ideologies.

Ключевые слова: политические партии, институт права, правовая институционализация, история отечественного права, партийное право, партийное законодательство, закон о партиях, партийные правоотношения, институциональные процессы, общественные объединения.

Keywords: political parties, law institute, legal institutionalization, history of domestic law, party law, party law, law on political parties, party relationships, institutional processes, public associations

Зарубежные политологи отмечают, что формирование институтов гражданского общества в современной России идет далеко не идеально, поскольку новые формы общественной активности тесно переплетены и погружены в традиционность [1]. Их возобновление на постсоветском пространстве, связанное с развитием рыночных отношений, неизбежно наткнулось на непонимание и даже противодействие со стороны населения, поскольку они продуцировались на рост социального и экономического неравенства (наиболее характерного в 1990-е гг.), ломку ряда патриархальных принципов и других обстоятельств, которые длительное время не воспринимались российским населением.

Не случайно Основной закон Российской Федерации, принятый на референдуме 12 декабря 1993 г., не апеллирует понятием «гражданское общество». В этом отчасти проявляется невмешательство государства в сферу, не относящуюся к его компетенции. Однако нельзя не утверждать, что именно Конституция установила и регулирует путем норм права основные условия функционирования гражданского общества.

Современные процессы партийного строительства с начала 1990-х гг. и по настоящее время в определенной степени можно считать отражением правового опыта России начала XX в. Перестройка 90-х гг. XX в. позволила модернизировать соответствующие конституционные положения. В частности, льготное положение коммунистической партии в праве граждан на объединение дополнилось возможностью объединяться и в другие политические партии. Впоследствии и вовсе ссыла на коммунистическую партию исчезла из конституционных норм,

равно как и упоминание о политических партиях вообще (за исключением многопартийной системы).

В новейшей российской партийной истории наблюдалась аналогичная ситуация. Правовое регулирование процесса партогенеза начиналось практически «с нуля», так же как и в России начала XX в. Однако правовым основанием возрождения многопартийности стало не разрешение создания и деятельности политических партий и объединений (как в Манифесте от 17 октября 1905 г.), а, напротив, исключение из текста последней советской конституции нормы о политическом и правовом господстве единственной партии (ст. 6 Конституции РСФСР 1978 г.), повлекшее за собой быстрый распад КПСС. Как и в начале XX в., в России 1990-х годов отсутствовало полноценное специальное законодательство о партиях, что, несомненно, не могло способствовать повышению эффективности правового регулирования создания и деятельности политических партий в государстве.

Вместе с тем Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила основные принципы правового института политических партий, которые впоследствии предопределили вектор развития нормативного материала. В частности, к ним относятся: идеологическое многообразие, многопартийность, право граждан на управление государством, право на избрание, право избирать. Однако дальнейшее развитие института пошло нединамичным образом и в основной своей части было сопряжено с особенностями избирательных процессов, происходивших в стране.

После вступления в силу Конституции Российской Федерации происходит резкая интенсификация процессов общественного движения. Появляется большое количество общественных объединений, многие из которых называли себя политическими партиями. Этому потворствовал и Закон СССР «Об общественных объединениях», вступивший в силу в 1991 г., который позволял рассматривать в качестве политической партии любые общественные организации, созданные и действующие на основе добровольности, равноправия членов, самоуправления, законности и гласности.

Подобная широкая трактовка данной дефиниции позволила стремительно увеличить число партийных организаций в начале 90-х гг. В силу этого обстоятельства в выборах в Государственную Думу в 1993 г. приняли участие 35 избирательных объединений и блоков, однако преодолеть установленный Указом Президента 5-процентный барьер смогли лишь восемь партий: «Выбор России», Либерально-демократическая партия России, Коммунистическая партия Российской Федерации, Аграрная партия России, «Яблоко», «Женщины России», Партия российского единства и согласия, Демократическая партия России [2, с. 37].

Когда шла подготовка к выборам в Государственную Думу второго созыва, отметился рост первых значительных ограничений в сфере деятельности политических партий.

В мае 1995 г. был принят Федеральный закон № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», который формально исключил из предмета своего регулирования партийные организации, поскольку указывал на необходимость принятия специального закона в этой сфере. Однако такой характер правовых норм на тот момент вообще не воспринимался юридическим сообществом всерьез [3, с. 114], ведь много нормативного материала для регламентации деятельности партий попросту не существовало, за исключением избирательного законодательства. Тем более что партии, как и в период Российской Империи, продолжали рассматриваться как вид объединения, а значит, априори подпадали по умолчанию под действие данного закона.

В 1995 г. также принят Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», который юридически признал право на участие в выборах избирательных объединений. Таковыми признавались любые общественные организации, в уставе которых значилось участие в выборах в органы государственной власти. То есть какого бы то ни было партийного эксклюзива на участие в парламентских выборах не существовало, что продиктовано стремлением снизить ценность партий как игроков на политической арене. По данным Министерства юстиции Российской Федерации, тогда данным правом обладали 258 общественных объединений и 15 профессиональных союзов [4, с. 94].

Однако такое стремление властей расширить субъектный состав избирательного процесса не увенчался ожидаемым результатом. По итогам выборов в Государственную Думу в 1995 г. прошли так же восемь партий и в совокупности незначительный процент независимых депутатов. И отсутствие достаточной правовой базы не стало тому помехой. Даже наоборот, ученые фиксируют позитивный эффект в замедлившейся тенденции правовой институционализации политических партий, поскольку таким образом последние имели гораздо большую свободу в развертывании своих внешних отношений, чем если бы существовали соответствующие императивные нормы, в том числе в рамках Конституции [5, с. 77].

В силу этого возникает множество дискуссий, связанных с правосубъектностью партий на этапе создания. Даже до принятия Федерального закона № 95-ФЗ существовали так называемые «непризнанные партии», которые осуществляли и осуществляют свою деятельность в отсутствие акта государственной регистрации [6]. Однако рассматривать их функционирование как политическую деятельность с формально-юридической точки зрения довольно сложно, поскольку большинство задач, свойственных партиям, они выполнить не в состоянии. Так, данные объединения не принимают непосредственного участия в выборах, не обладают нормотворческой функцией даже на локально-корпоративном уровне, не оказывают существенного влияния на деятельность высших государственных органов. Более того, сами участники политической системы не рассматривают их в качестве полновесных субъектов [7; 8; 9]. Вместе с тем подобные незарегистрированные организации фактически существуют достаточно долгий период времени, их члены используют символику и незарегистрированное наименование своего объединения, делают политические заявления, проводят общественные мероприятия, выступают в средствах массовой информации, занимаются агитационной работой, как правило, направленной на снижение степени доверия к политическим партиям, имеющим официальный правовой статус.

Вследствие этого, отдельная группа исследователей рассматривает партии в более широком контексте, выделяя среди них объединения как со статусом юридических лиц, так и без него [10]. Основой такого подхода служит исторический опыт формирования партийных организаций, большинство из которых не имели так называемого «легального положения» [11, с. 19]. С течением времени и в силу изменения государственной политики подобные объединения могли воздействовать на политическую обстановку в стране. Вместе с тем многие исследователи признают, к своему сожалению, что «непризнанные партии» никогда не рассматривались в качестве законного элемента в политической системе общества. В том или ином качестве их деятельность признавалась либо противоправной [12, с. 32], либо маргинальной [13, с. 92].

Стоит отметить, что такое восприятие партий наблюдалось и в период Российской Империи [14, с. 123]. Партия как политическое объединение осуществляет деятельность по реализации политической власти. Это ее ключевое предназначение, отличающее партию от других общественных организаций. Она создается и функционирует исключительно для участия в политической жизни государства, воздействия на государственную власть, достижение этой власти и ее последующее осуществление.

Тем не менее, легальность деятельности так называемой «внесистемной оппозиции», в рамках которой существуют сегодня многие «непризнанные партии», в литературе понимается неоднозначно. С одной стороны, партогенез как длительный и многоступенчатый процесс предполагает первоначально форму существования организации за пределами правового поля [15]. Любое политическое движение, выступающее против текущей государственной политики, становится вне закона или на грани его нарушения, поскольку в тех же самых законодательных формах выражается политическая воля государства [16].

Более того, большинство «непризнанных партий» активно насаждают идею о том, что невозможно находиться в оппозиции и одновременно идти навстречу правящей власти, соглашаясь на условия образования политической партии по той схеме, которая «удобна существующему режиму» [17, с. 20]. При этом сторонниками данной идеологии отмечается, что даже в сравнительно недолгой истории отечественного законодательства о партиях на современном этапе наблюдаются явная хаотичность, непостоянство и внутренняя противоречивость к порядку оформления партийного статуса [18]. Вследствие чего отсутствует необходимость соглашаться на условия легального создания политической партии, поскольку совершенно внезапно могут произойти серьезные изменения в законодательных требованиях к партийным организациям, что повлечет очередной виток сомнений в «легальности» существования партии и многочисленные перерегистрации уже сформированных политических объединений [19].

Отчасти с аргументами сторонников «непризнанных партий» можно согласиться. Развитие правового регулирования деятельности политических партий в Российской Федерации демонстрирует экспериментальный подход государственной власти к организации партийного строительства. Контраст, наблюдаемый в историческом разрезе принятия и изменения правовых норм в области партийной деятельности, позволяет сделать вывод об ориентации публичной политики в этой сфере на практический эффект.

В частности, вступление в силу в 1991 г. Закона СССР «Об общественных объединениях», а затем и принятие Конституции Российской Федерации 1993 г. катализировало увеличение общественных объединений, позиционирующих себя в качестве политических партий. Более того, такая активизация происходила практически в

геометрической прогрессии. Так, желание попасть по итогам выборов в Государственную Думу в 1993 г. изъявили порядка 35 избирательных объединений и блоков, но пройти избирательный порог смогли лишь восемь партийных организаций [2, с. 37].

Впоследствии была предпринята попытка еще большей либерализации в вопросах участия в избирательном процессе партий и иных общественных объединений с помощью принятия ряда законодательных актов (в 1995 г. был принят Федеральный закон № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», а также Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»). Доступ к власти получили многие общественные организации, которые провозгласили участие в выборах и достижение государственной власти в качестве одной из основных целей. Однако результат парламентских выборов 1995 г. существенно не отличался от предыдущих избирательных кампаний [4, с. 94].

С 14 июля 2001 г. начал действовать Федеральный закон «О политических партиях», который ознаменовал начало качественно нового этапа в процессе институционализации политических партий в России [20, с. 5]. Сам факт принятия закона был осложнен спорами о нескольких законопроектах. В частности, на обсуждении находились президентский вариант закона, проекта ЦИК Российской Федерации и несколько альтернативных проектов, среди которых предпочтение было отдано варианту, разработанному ЦИК. Он считается наиболее жестким по характеру сформулированных требований, адресованных политическим партиям [21, с. 13]. Такое предпочтение законодателя также отражало в определенной мере сложившуюся в данной сфере правовую традицию российского права.

Федеральный закон в первоначальной редакции являлся, по общему признанию, одним из ключевых звеньев в формировании новой отечественной конституционно-правовой и политической системы. То, что данный основополагающий для политической деятельности закон разрабатывался настолько долго, связано со стремлением правящей элиты по максимальному использованию ситуации, которая сложилась после парламентских и президентских выборов 1999 г. и, соответственно, 2000 г. По сути, это обеспечило факт парламентского большинства президента и гарантировало беспрепятственное одобрение его законопроектов.

Закон гармонично влился в систему законодательных инициатив, которые были направлены на масштабные изменения политической системы, в том числе на модернизированную трактовку отечественного федерализма и парламентаризма, на модели разделения властей, а также на функционирование судебных и административных государственных институтов. Одновременно с этим такая инициатива сопровождалась превентивным характером, который был призван обеспечить позиции партии власти, находящейся в стадии своего формирования, что имело актуальность в преддверии новых парламентских выборов и продвижении идеи дальнейшей кодификации российского законодательства в ключевых отраслях права [22, с. 65].

Данные обстоятельства отчасти проясняют отдельные особенности принятия Федерального закона «О политических партиях». В частности, ту чрезвычайную скорость, с которой он был принят и которая совершенно не типична для отечественного законодательного процесса. Так, 21 июня 2001 г. закон принимается Государственной Думой, уже 29 июня он подвергается автоматическому одобрению со стороны Совета Федерации и 11 июля 2001 г. подписан Президентом Российской Федерации.

Вследствие этого стало вполне очевидным, что формально-юридической стороне дела было уделено недостаточно внимания. Такое обстоятельство, в свою очередь, стало благоприятным условием для порождения юридических коллизий между принятым законом и уже действующим законодательством. Более того, в процессе парламентских обсуждений законопроекта обнажались несоответствия его положений с нормами Конституции Российской Федерации. Например, противоречия касались норм о запрете деятельности региональных партий, что расходилось с известным принципом федерализма (ст. 30, 71 и 72). Также затрагивались положения о равенстве общественных объединений перед законом (ч. 4 ст. 13 Конституции), о праве на свободу выбора политического объединения (ч. 2 ст. 30).

Складывались явные дефекты закона на фоне действующих федеральных законов «Об общественных объединениях», «О прокуратуре», «О средствах массовой информации», а также норм гражданского, налогового и трудового законодательства. Вместе с тем данный барьер не помешал Совету Федерации практически единогласно одобрить Федеральный закон «О политических партиях» без особых дискуссий. Не удивительно, что законопроект, несмотря на его широкое общественное обсуждение, стал причиной игнорирования ключевых аргументов противников закона в его первоначальном виде. Подобная критика не вписывалась в так называемую «концепцию закона», которая, по существу, являлась довольно проблематичной, с точки зрения оппонентов, на фоне действующих конституционных положений.

Вследствие таких явных дефектов представлялось, что в Совете Федерации закон будет подвергнут жесткой критике, ведь именно региональным представителям, заседающим в верхней палате Федерального Собрания Российской Федерации, предстояло выразить свои интересы относительно такого радикального изменения политической системы [23, с. 133]. К тому же, претензии к законопроекту ими уже неоднократно высказывались в процессе обсуждения других проектов закона в стенах Государственной Думы, о чем свидетельствует стенограмма данных заседаний, которую получил Совет Федерации вместе с принятым законопроектом.

Закон предусматривал ликвидацию региональных партий, являвшихся до настоящего времени опорой губернаторов в местных региональных законодательных собраниях. Запрет региональных партий интерпретировался как противоречащий положениям Конституции Российской Федерации (ст.ст. 30, 71 и 72), однако для членов Совета Федерации это имело и практические последствия. Введение закона в действие означало обращение в политическое небытие сложившихся региональных партийных элит, поскольку для участия в выборах и осуществления представительства в парламентах различных уровней им по новому закону необходимо было войти в состав более крупных партий и фактически раствориться в политических макроструктурах федерального уровня.

Самостоятельной стороной этой проблемы стал вопрос о собственности политических партий – возможности сохранения за региональными партийными структурами права собственности на их имущество. Однако и здесь приоритет был отдан концепции партии как единого юридического лица (то есть единого собственника партийного имущества всех подразделений). В ходе парламентских слушаний и думских дебатов выдвигался ряд компромиссных предложений, направленных на сохранение региональных и межрегиональных политических партий (например, в виде коллективных или ассоциированных членов), что практикуется в некоторых зарубежных федеративных государствах, но эти предложения были отвергнуты думским большинством.

Не был прояснен, в частности, волновавший депутатов вопрос об обеспечении равного доступа различных партий к средствам массовой информации. Раскол мнений по вопросам финансирования партий определил остроту споров о целесообразности, объемах, способах реализации государственного финансирования, а также порядке и методах осуществления пожертвований от граждан в партийную кассу и формах контроля над ними (для удобства контроля, в частности, был отвергнут принцип анонимности) [5, с. 28].

Спорной признавалась тенденция закона к установлению системы государственного контроля и надзора за политическими партиями. Критике подвергалась громоздкая система регистрации политических партий, а также бюрократический контроль над ними. Закон предоставляет властям широкие полномочия в этой области, выражающиеся в системе предупреждений, возможности приостановления деятельности и даже ликвидации партий по чисто формальным основаниям.

Закон содержал жесткую концепцию политической партии, которая состоит из индивидуальных членов, не имеющих права быть членами другой партии. Отмечалось, в частности, что вопрос об одновременном членстве в двух партиях не должен предписываться законом, а являться делом самой партии (ее устава). Попытка противопоставить этой формуле («членства») концепцию «участия», предполагающую менее жесткую структуру партии, была однозначно отвергнута.

Не получила поддержки и формула о коллективном членстве, проводившая в завуалированной форме идею сохранения *de facto* сложившихся политических партий как центрального, так и регионального уровней в рамках более крупных политических партий, возникающих *de jure*, согласно новому закону. Соответственно, избирательные блоки возможны теперь лишь между партиями или между партиями и общественными организациями, но непременно под руководством партий, что, безусловно, ограничивает проявление общественной инициативы и нарушает принцип равенства общественных объединений перед законом. Таким образом, общественные организации, которых насчитывается около трех тысяч, встраиваются (помимо своей воли) в систему регулируемой демократии, а их деятельность направляется и канализируется в единое партийно-политическое русло. За общественными организациями, впрочем, сохранилась формальная возможность стать партиями.

Декларируемой целью закона являлась рационализация и упорядочение стихийно сложившейся в переходный период партийной системы России. Средством же ее достижения выступает унификация и централизация партийного строительства и усиление государственно-правового регулирования этого процесса. Задавая априори жесткие рамки партийной системы, Федеральный закон «О политических партиях», во-первых, резко ограничивает политическое пространство формирования представительных учреждений, во-вторых, вводит новую конфигурацию партий и, в-третьих, обеспечивает преимущественное положение для формирующейся правительственной партии.

Инициаторы анализируемого закона видели основу будущей партийной системы в сильной партии власти, которая, подобно солнцу, заставляет вращаться вокруг себя ряд других планет разного масштаба (умеренно оппозиционных «системных» партий), не способных, однако, преодолеть силу его тяготения. Данная конструкция необходима для обеспечения стабильного правительственного большинства в Государственной Думе, принятия правительственных законопроектов (которые, как правило, не пользуются популярностью в обществе), создания достаточно гомогенного депутатского корпуса, члены которого будут зависеть не от избравших их регионов и перипетий локальной политической борьбы (как это было с депутатами, избравшимися по одномандатным округам), а от партийной и фракционной дисциплины.

Данная конструкция предполагает известное лавирование власти между правыми и левыми с опорой на партию центра. В идеале эта модель сводится к трехпартийной системе (на практике она может быть представлена и четырьмя действующими партиями, способными преодолеть ограничительные нормы закона), которая призвана обеспечить стабильность и преемственность власти на длительное время. Произошла принудительная перегруппировка политических сил, которая еще больше формализуется при последующем изменении избирательного законодательства. Речь идет, прежде всего, об очистке политического пространства от так называемых «партий-маргиналов», к числу которых относится более сотни действующих политических структур различной идеологической направленности, не имеющих шансов сохранить самостоятельное существование и обреченных на поглощение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кочетков А.П. Западные политологи о гражданском обществе // Вестник Московского университета: Серия 12: Социально-политические исследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – № 2. – С. 68–76.
2. Гаджимагомедов Г.А., Ивлиев Г.П. Участие Правительства Российской Федерации в законодательной деятельности. – М.: Норма, 2008. – С. 37.
3. Шеломенцев В.Н. Общественные объединения в России: теоретико-правовой и институциональный анализ. Дис. ... д-ра юр. наук. – М., 2006. – С. 114 (344 с.).
4. Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 94.
5. Зимина Н.В. Институционализация политических партий как политико-правового института в современной России (региональный аспект). Дис. ... канд. полит. наук. – Чита, 2008. – С. 77 (181 с.).
6. Александров К.А. Картельные партии в структуре партийно-политического представительства современной России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 3. – С. 112-116.
7. Борзова И.С. Оппозиционные группы: влияние на мировую политику // Вестник МГИМО (У). – 2013. – № 2 (29). – С. 47-51.
8. Гарипов Р.Ф. Формализация политической ответственности партийных организаций // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157. – № 1. – С. 207-212.
9. Зазнаев О.И. Конституционные поправки как фактор укрепления президентской власти в постсоветских странах // Духовная сфера общества. – 2012. – № 9. – С. 88-91.
10. Решетников О.М. Политическая партия – общественное объединение // Современные гуманитарные исследования. – 2013. – № 1. – С. 83-84.
11. Ерыгина В.И. История партийного нормотворчества в России // История государства и права. – 2008. – № 5. – С. 19.
12. Граник В.В. Характеристика экстремистских организаций и объединений // Российский следователь. – 2013. – № 7. – С. 32-34.
13. Савельев П.Ю. Какие партии были в Российской Империи? // Россия XXI. – 2012. – № 2. – С. 92-127.
14. Дарков А.А. Периодизация истории правового регулирования деятельности политических партий в России // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 5. – С. 123.
15. Баишев Р.М. Становление и развитие национально ориентированных партий и движений в России // Поволжский педагогический поиск. – 2013. – № 1 (3). – С. 190-192.
16. Малугин С.Б. Теоретические особенности классификации российской политической оппозиции // Вопросы гуманитарных наук. – 2009. – № 2. – С. 349-356.
17. Юрчевский С.Д. Содержание и формы проявления политического экстремизма // Вопросы российского и международного права. – 2012. – № 5-6. – С. 8-23.
18. Шабров О.Ф. Партогенез и партийные системы: параметры, классификация, российская реальность // Социология власти. – 2006. – № 1. – С. 15-40.
19. Муравлёв В.Н. Партогенез и партийный спектр современной России // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2007. – № 7. – С. 17-21.
20. Юдин Ю.А. Политические партии и право в современном государстве. – М.: Норма, 1998. – С. 5.
21. Лапаева В.В. Закон о политических партиях: в чем суть альтернативных подходов // Журнал российского права. – 2001. – № 2. – С. 13.
22. Джалилов Э.А. Некоторые вопросы толкования Федерального закона «О политических партиях» // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2. – С. 65.

23. Маренич Л.А., Омеличкин О.В. Об изменениях в законодательстве Российской Федерации сквозь призму особенностей партийной идентичности граждан // Вестник Академии знаний. – 2012. – № 3. – С. 133.

REFERENCES

1. Kochetkov A.P. Western political scientists on civil society. [Zapadnye politologi o grazhdanskom obshhestve]. Vestnik Moskovskogo universiteta: Seriya 12: Social'no-politicheskie issledovanija = Bulletin of Moscow state University. 1994. № 2. P. 68–76. (in Russ.).
2. Gadzhimagomedov G.A., Ivliev G.P. The participation of the Government of the Russian Federation in legislative activity. [Uchastie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii v zakonodatel'noj dejatel'nosti]. Norma = Norm. 2008. P. 37. (in Russ.).
3. Shelomencev V.N. Public associations in Russia: theoretical-legal and institutional analysis. [Obshhestvennye obedinenija v Rossii: teoretiko-pravovoj i institucional'nyj analiz]. The dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of legal Sciences. 2006. P. 114. (in Russ.).
4. Ivanchenko A.V., Ljubarev A.E. Russian elections: from perestroika to sovereign democracy. [Rossijskie vybory ot perestrojki do suverennoj demokratii]. Aspekt Press = Aspect Press. 2007. P. 94. (in Russ.).
5. Zimina N.V. The institutionalization of political parties as political-legal institution in modern Russia (regional aspect). [Institucionalizacija politicheskikh partij kak politiko-pravovogo instituta v sovremennoj Rossii (regional'nyj aspekt)]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of political Sciences. 2008. P. 77. (in Russ.).
6. Aleksandrov K.A. Cartel parties in the structure of the party-political representation of modern Russia. [Kartel'nye partii v strukture partijno-politicheskogo predstavitel'stva sovremennoj Rossii]. Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of social Sciences. 2012. № 3. P. 112-116. (in Russ.).
7. Borzova I.S. Opposition groups: influence on world politics. [Oppozicionnye gruppy: vlijanie na mirovuju politiku]. Vestnik MGIMO University = Journal of Moscow state Institute of international relations. 2013. № 2 (29). P. 47-51. (in Russ.).
8. Garipov R.F. Formalization of political responsibility of the party organizations. [Formalizacija politicheskoi otvetstvennosti partijnyh organizacij]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. 2015. T. 157. № 1. P. 207-212. (in Russ.).
9. Zaznaev O.I. Constitutional amendments as a factor of strengthening of presidential power in post-Soviet countries. [Konstitucionnye popravki kak faktor ukreplenija prezidentskoj vlasti v postsovetskih stranah]. Duhovnaja sfera obshhestva = Spiritual sphere of the society. 2012. № 9. P. 88-91. (in Russ.).
10. Reshetnikov O.M. Political party, public Association. [Politicheskaja partija – obshhestvennoe obedinenie]. Sovremennye gumanitarnye issledovanija = Modern Humanities research. 2013. № 1. P. 83-84. (in Russ.).
11. Erygina V.I. The history of the party law in Russia. [Istorija partijnogo normotvorchestva v Rossii]. Istorija gosudarstva i prava = The history of state and law. 2008. № 5. P. 19. (in Russ.).
12. Granik V.V. Characteristics of extremist organizations and associations. [Harakteristika jekstremistskikh organizacij i obedinenij]. Rossijskij sledovatel' = Russian investigator. 2013. № 7. P. 32-34. (in Russ.).
13. Savel'ev P.Ju. What parties were in the Russian Empire? [Kakie partii byli v Rossijskoj Imperii?]. Rossijskij XXI = Russia XXI. 2012. № 2. P. 92-127. (in Russ.).
14. Darkov A.A. Periodization of the history of legal regulation of activities of political parties in Russia [Periodizacija istorii pravovogo regulirovanija dejatel'nosti politicheskikh partij v Rossii]. Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika = Law and state: theory and practice. 2009. № 5. P. 123. (in Russ.).
15. Baishev R.M. The formation and development of national oriented parties and movements in Russia [Stanovlenie i razvitie nacional'no orientirovannyh partij i dvizhenij v Rossii]. Povolzhskij pedagogicheskij poisk = Volga pedagogical search. 2013. № 1 (3). P. 190-192. (in Russ.).
16. Malugin S.B. Theoretical classification peculiarities of Russian political opposition. [Teoreticheskie osobennosti klassifikacii rossijskoj politicheskoi oppozicii]. Voprosy gumanitarnykh nauk = Questions Humanities. 2009. № 2. P. 349-356. (in Russ.).
17. Jurchevskij S.D. The content and forms of manifestation of political extremism [Soderzhanie i formy projavlenija politicheskogo jekstremizma]. Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law. 2012. № 5-6. P. 8-23. (in Russ.).
18. Shabrov O.F. Protogenes and party systems: parameters, classification, Russian reality. [Partogenez i partijnye sistemy: parametry, klassifikacija, rossijskaja real'nost']. Sociologija vlasti = Sociology of power. 2006. № 1. P. 15-40. (in Russ.).
19. Muravljov V.N. Protogenes and party range of modern Russia. [Partogenez i partijnyj spektr sovremennoj Rossii]. Izvestija Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo = Proceedings of Penza state pedagogical University. V. G. Belinsky. 2007. № 7. P. 17-21. (in Russ.).
20. Judin Ju.A. Political parties and law in the modern state. [Politicheskie partii i pravo v sovremennom gosudarstve]. Norma = Norm. 1998. P. 5. (in Russ.).
21. Lapaeva V.V. The law on political parties: what is the essence of alternative approaches [Zakon o politicheskikh partijah: v chem sut' alternativnyh podhodov]. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian law. 2001. № 2. P. 13. (in Russ.).
22. Dzhaililov Je.A. Some issues of interpretation of the Federal law "On political parties". [Nekotorye voprosy tolkovanija Federal'nogo zakona «O politicheskikh partijah»]. Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Juridicheskie nauki = Vector of science of Togliatti state University. Series: Law. 2010. № 2. P. 65. (in Russ.).
23. Marenich L.A., Omelichkin O.V. About changes in the legislation of the Russian Federation through the prism of party characteristics identity of citizens. [Ob izmenenijah v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii skvoz' prizmu osobennostej partijnoj identichnosti grazhdan]. Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of knowledge. 2012. № 3. P. 133. (in Russ.).

Information about the author

Курочкин Анатолий Васильевич, кандидат юридических наук, Набережночелнинский институт, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
kurochkin.tolik@bk.ru

Получена: 23.12.2015

Для цитирования статьи: Курочкин А.В. Правовая институционализация политических партий в постсоветской России. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 1. с . 79-86. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/1-79-86

Информация об авторе

Kurochkin Anatoly V., Candidate of Law Naberezhnye Chelny Institute Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia, kurochkin.tolik@bk.ru

Received: 23.12.2015

For article citation: Kurochkin A.V. Legal institutionalization of political parties in post-soviet Russia. [Pravovaya institutsionalizatsiya politicheskikh partiy v postsovetskoy Rossii]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. No 1. Vol. 1. Pp. 79-86. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/1-79-86